

Читайте в серии:

Оксана Даровская

«Москва. Квартирная симфония»

«Неоконченный танец»

Ирина Лейк

«История Аптекаря, райских птиц
и бронзовой головы слона»

«Сто способов сбежать»

Екатерина Златорунская

«Осенняя охота»

Яков Шехтер

«Водолаз Его Величества»

Анна Бабина

«Презумпция вины»

Наталья Веселова

«Олений колодец»

«Только нет зеленых чернил»

Эльза Гильдина

«И за мной однажды придут»

Андрей Убогий

«Доктор»

Галина Калинкина

«Лист лавровый в пищу
не употребляется»

Анастасия Евстюхина

«Крысы плывут по кругу»

Елена Антипова

«Дружок»

ЕЛЕНА АНТИПОВА

ДРУЖОК

Fiction

МОСКВА

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
А72

Дизайн обложки *Виктории Лебедевой*

Антипова Е.
А72 Дружок : роман / Елена Антипова. — М. : Издательство АЗБУКА: Fiction, 2026. — 304 с. — (Имена. Российская проза).

ISBN 978-5-389-30888-6

Искупительно живой роман о долге, вере, любви — порой неприкаянной, а порой всепобеждающей — и о решениях и поступках, которые позволяют смотреть в глаза другим людям.

Стремительна, громогласна, но гостеприимна река Амударья. Здесь, на ее берегах, в конце XIX века обрела приют семья юного Адама Янца. Время шло, Янцы строили новую жизнь, неистово веря, что беды и несчастья в этот раз обойдут их стороной. Но кроткий, послушный Адам ради спасения своей любви совершает непоправимый поступок. И теперь, навеки изгнанный и одинокий, он вынужден скитаться по свету.

Сменяются десятилетия, сменяются страны, прежде чем в городе у Волги добрая, тихая женщина Марфа подарит на день рождения соседской девчонке Аленке любимую книгу своего мужа Петра. Книгу, написанную тем самым Адамом. И круг замкнется.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-30888-6

© Е. Антипова, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Интермедия 1

ВОЛГА

Там, где наглотавшийся песка ветер бьет большее плети и нет жизни, кроме берегов щедрой Амударьи, вращает лопастями моя мельница. Я, как птенца под сердцем, принес ее с крутых волжских берегов в эту пустыню, и теперь, когда краткая, как Иисусова молитва, жизнь моя подходит к концу, я понимаю, что ничего иного по себе не оставил. Смотрите на нее и вспоминайте ничтожного раба Божьего Адама Янцена, предавшего веру свою.

Я родился уже в Гансау, одном из десяти поселений колонии Ам Тракт, но по рассказам матушки знаю о долгом странствии меннонитов¹, привлеченных в Поволжье обещаниями

¹ Меннониты — последователи особой протестантской секты, получившей название от имени основателя Менно Симонса, голландца по происхождению, жившего в 1496–1561 гг. Они считают непозволительными для себя войну, судебные процессы, месть, клятву и расторжение брака. В Российскую империю первые меннониты попали по приглашению Екатерины II

великодушной царицы. А много ли нужно было вечно гонимому народу? Земля, чтобы трудиться и кормить семью, и признание важнейшего из прав человеческих — права не давать присяги и не брать в руки оружия. Человеколюбивому разуму дико от того, что ради таких естественных вещей моим родителям пришлось проделать столь долгий путь.

Здесь, под селением, называемым русскими Покровском, они, едва успевшие вступить в брак до отъезда из Пруссии, обзавелись первым собственным хозяйством. От щедрот Российской империи досталось им шестьдесят восемь десятин земли, но, так как отец мой с детства не знал иного труда, кроме ремесленного, возделывать капризную почву и ухаживать за урожаем помогали холостые братья матушки и наемники из окрестных деревень.

Как я понимаю теперь, первые годы на новом месте для моих родителей оказались непростыми. Мать целую реку слез пролила над письмами старшей сестры, которая выбрала для переселения Херсонскую губернию, одарившую при-

для организации сельского хозяйства в обмен на землю и привилегии, включавшие освобождение от воинской повинности. В Поволжье меннониты впервые переселились из Западной Европы только в 1854 г. Но введенный в 1874 г. закон «О всеобщей воинской повинности» не сделал исключения для меннонитов, поэтому часть из них вскоре переселилась в другие страны, в том числе и в Хорезм (территория нынешнего Узбекистана).

шельцев жирной черной землей. Отец сжимал челюсти и снова склонялся над очередной деревянной шкатулкой или табуретом. Ему сложно было понять, как нелегко женщине с младенцем на руках приходилось каждый день бороться со степными суховеями и странными, неизвестными прежде вредителями, портившими едва показавшиеся всходы.

Но к тому времени, когда я начал уверенно ползать по меже и совать себе в рот все, что мог ухватить, дела в колонии, разросшейся и обзаведшейся своей мельницей и кирхой, стали налаживаться. Напоенные неизмеримыми трудами поля ожили, героическая пара овец, оставшаяся от восьмидесятиголового стада, принесла потомство, которое потом удалось с большим успехом свести с местной породой. Матушка моя стала чаще смеяться, придумывать к столу более затейливые блюда.

Породою я пошел в отца — высокого и прямого, как штакетина, — быстро вытянулся из пухлого пупса в тонкого юнца, но здоровьем был хрупок. Зараза находила меня даже за стенами нового нашего дома, пахнущего еще сосновой слезой. Бедной моей матушке Господь больше детей не послал, потому, кажется, будь ее воля, она всю жизнь носила бы меня в подоле своего льняного фартука. Пухлая, словно дрожжевая булочка, она только что воском меня не натирала до блеска, как воскресные туфельки, пока отец не осек ее. Матушка не раз припоминала, как в тот день он вернулся из

Покровска, раздосадованный неудачей в торговых делах, и увидел привычную картину: она сидит за столом, а я, четырехлетний, верчусь у нее на коленях, выжидая, когда к моему рту подлетит очередная ложечка с пшеничной кашей. Отец рывкнул, подхватил меня на руки и выставил в сени за дверь. Я разревелся и не слышал, о чем в горнице спорили взрослые, но, как позже рассказывала мать, отец был суров и даже грозил выгнать ее из дому, если она продолжит «из мужчины растить подснежник».

Когда мне исполнилось пять и я окреп, отец доверил мне раскрасить крупный узор на первой шкатулке. Уже тогда в колонию начали приезжать русские гости. Они ходили по дворам, подолгу беседовали со старшими в поселении об урожае в разные годы, о поголовье коров и их породе, об опытах наших в посеве и орошении. Дядя Абрам, встречавший делегации, в красках пересказывал нам, как они снимали шапки, ахали, охали, кланялись в пол, а потом на собраниях в молельном доме читал выходявшие в столичных газетах хвалебные статьи о меннонитском хозяйстве. В глазах этих заезжих агрономов порядки, введенные даже в более старых немецких колониях, сильно уступали нашему. Но труд от того не становился более легким. Я, бывало, видел своих дядек только по воскресеньям. Окончив ежедневную работу, они возвращались с полей затемно, ужинали, молились и валились спать.

Помню желтую, выжженную степь и высокое солнце, дающее за день столько жара, что даже ночью бывало трудно вдохнуть. Речушка, отделявшая наши поля от полей Линденау, вечно пересыхала, и на оголенном дне можно было отыскать множество гладких камешков и коряги, в очертаниях которых я любил высматривать диковинных зверей. Все это добро я таскал к отцу в мастерскую, покуда ему не надоедало и он не требовал немедленно освободить место для чего-то более полезного. Огорченный, я сваливал свои сокровища в мешок и стаскивал их обратно к берегу, но уже на следующий год не выдерживал и наполнял один из ящиков новой добычей.

Сам я в детстве всего несколько раз помогал в уборке урожая в полях. Остальное мое время принадлежало огороду возле нашего дома и отцу. Он учил меня смешивать краски, писать простые фигуры, посуду, румяные яблоки, а однажды приволок в мастерскую лягушку в банке и велел рисовать. Я успел закончить этюды за час и выпустил несчастную тварь в пожарную канаву.

Потом мне в руки попали столярные инструменты: рубанки, стамески, резак. Я начал помогать с починкой старой мебели, росписью новой и сам мастерил шкатулки и корпуса для хитрых часовых механизмов мастера Германа. По праздникам я стойко терпел расчесывание частым гребнем и надевал неудобные, вечно новые, но всегда не по размеру выходные

ботинки. Потом мы вместе с дядьями на шаткой телеге ехали в Копентальскую кирху. Зато к ужину в такие дни нередко бывала курица, а летом еще и пирог со смородиной или абрикосами.

Я не знал земли, кроме этой, и не с чем мне было сравнить ковыльные волны и холодные от росы полянки клевера под ногами. Языка же у меня от рождения было два. Дома и на молебнах говорили по-немецки, но вокруг, за пределами колонии, в Саратове, огромном и кирпичном, или в Покровске на базаре, куда я ездил, держась за материну юбку, звучало рубленное русское аканье.

В школу, обустроенную в одном из общественных домов, на занятия к нам — десятку детей переселенцев — приходил тощий студент в пенсне. Он плохо говорил по-немецки и больше делал вид, что ведет у нас урок. Но как только герр Фрезе, преподававший младшим все, от азбуки и счета до основ геометрии, выходил из класса, студент садился на стул и начиналось наше любимое действо.

Воображая, что ладони его рук — это живые существа, он разыгрывал для нас спектакли с песнями и веселой бранью, которые мы, разумеется, впитывали, как здешняя земля — воду. Одну из рук студента неизменно звали Вася, а вторая по необходимости могла становиться другом Ванькой, не желавшим вернуть долги, сварливым лавочником, выгонявшим Васю за порог, или кокетливой Варварушкой, которая

высоким голосом пела печальные романсы — неплохо, надо сказать, пела. Обиженные жизнью персонажи эти очень нам нравились, и когда кто-то из них задавал вопрос или просил помочь, мы старательно подбирали слова. Так, буквально на пальцах, студент научил нас говорить по-русски.

Родители нашим успехам были рады. Они тоже, как могли, старались овладеть новым языком, но не всем это легко давалось. Отец мой так и не смог в должной степени выучиться, чтобы без проблем говорить с покупателями, поэтому после семи лет я ни одного базарного дня не пропускал. В Покровске у нас был свой пятачок, где на скамьях и пустых бочках мы раскладывали расписные доски, коробочки, сундучки, картины на холстах и грунтованных древесных спилах. В зимние и ранние весенние месяцы к ним присовокуплялись оформленные в рамы вышивки моей матушки — нехитрые орнаменты и цитаты Священного Писания, выведенные по хлопковому полю буквами затейливой формы. Не самый ходовой товар, но и цена у нас была не самая низкая.

Я обожал дух базара. Тесноту, постоянные выкрики-прибаутки лавочников, пестроту рядов, горячую выпечку, изредка приносимую отцом не из дома, а из соседней корчмы и казавшуюся самой вкусной на свете. И мало кто, впервые проходя мимо нашего лотка, не останавливался, восклицая:

— Глянь, немчик-то, немчик что выделывает!

А я то невпопад выкрикивал строчки скабрезных песен или романсов, выученных от студента, то ходил вприсядку, то отвешивал медленные поклоны до самой земли, устраивал представление новой картины или шкатулки. Купчики и крестьяне, смешливые девушки в шерстяных платках, толстые, заграждавшие проход бабы — они сначала замечали меня, а потом и товар наш. Отец на все эти выкрутасы привычно сухо обзывал меня болваном, но в удачные дни и мне доставалась от него копейка, а иной раз даже улыбка.

Жаль, что так недолго позволяла нам эта земля обживать дома, обихаживать поля и устраивать прочие дела наши.

Глава 1

НА СТРАСТНОЙ

Проспала.

Из комнаты матери ритмичный утренний стук.

Марфа Дмитриевна поднялась, расправила по старой привычке плечи, но тут же снова руки упали плетью, согнулась спина. Только голова так и осталась подбородком кверху. Ноги в барельефе вен, как чугунные, не сразу нашли на полу остывшие тапочки. Глаза едва открываются: мешочки из тонкой сухой кожи мягкие, тяжелые. Откинула назад для равновесия остриженную голову, скрипнула дверью спальни.

Завернула рукава вафельного халата по локоть, вошла в темную комнату. Шторы плотные, солнцу сквозь них не пробиться. В том же месяце, как привезли маму из больницы домой, повесили их с Петей, чтобы днем, как ночью. Пахнет мочой. Прости, моя хорошая, жердочка моя, сейчас, сейчас. Еле осилила, приподняла над койкой материно тельце, сняла

фланелевые брюки с одной штаниной, кинула на пол. К ним же отправилась простыня. Усадила старушку на санитарный стул. Перевернула одеяло, каким-то чудом совершенно сухое. Мама, сломанная куколка-пупсик, захрипела непослушными ото сна связками:

— Бисерика моя! Шо сегодня, Пасха? Надо до Прокопенюк снести кулича и яиц чудок, я анядысь обещалась, — и запела с хриплым гэканием, как обыкновенно бывало с ней в хорошем настроении:

Девка улицу мела, девка улицу мела,
Девка улицу мела, хрен огромный подняла.

Вот так календарь у нее. Вчера только Рождество было, и все заботы — об опаре на пироги с курагой. А сегодня Пасха настала. Тут хотя бы угадала сезон. Пасха и впрямь завтра уже. Птицы напели ей, что ли, в открытую форточку. Покивала, сворачивая в ком грязное белье. Вернулась с тазом теплой воды, вымыла мать, протерла влажным полотенцем рыжую клеенку. На свежие простыни опустила старушку в ее веселом беспамятстве:

Я тебе его не дам, я тебе его не дам.
Я тебе его не дам, он тебе не по годам.

Укутала, провела по жидкому пуху на макушке, пригладила седые пряди на висках. Надо бы ее подстричь как-нибудь.

На кухне достала из холодильника кашу, отправила в микроволновку маленькую пиалу — часть экзотического сервиза, привезенного Петром из дальней командировки. Чего теперь беречь, до какого особого дня? Много ли ей нужно теперь, а Петенька — вот он, только здесь и остался, на фотографии с черной лентой в углу. Парадный, в кителе, со всеми лампасами-погонами, в фуражке с кокардой. Усы подстрижены, и видно, что он тихонько так фотографу улыбается, все в рамках приличий, но улыбается.

Принесла завтрак матери, заправила край полотенца за ворот сорочки-распашонки спереди. Мама улыбается, губы обтягивают голые десны. Ну, открывай рот пошире. Мама вскинулась, прояснились глаза, как бывает порой, когда рассудок возвращается, напоминает ей обо всей правде. Нет, только не сейчас, пожалуйста, мама:

— А Петруша? Где Петруша? Шо-то его давно не видала. Марфуша, где супруг твой благоверный?

За слезами не сразу увидела, как ложечкой с кашей уперлась в сморщенную материну щеку, все лицо перемазала манными крупинками, на воротнике рубашки молочный след. Спихватилась, вытерла лицо и рот матери полотенцем — дура — тем же самым полотенцем, которым клеенку мыла загаженную. Зарычала по-звериному, бросила на пол пиалочку. Вдребезги. Разлетелись кусочки по полу с тонким китайским «дзянь!».

Мама смеется, поет песню свою:

Это что за колбаса, это что за колбаса?

Это что за колбаса, два яйца и волоса?

Муся, дружок, успокойся. Как вижу слезы твои, до их пор теряюсь, будто не было у нас одной на двоих жизни. Ты же помнишь, какой сегодня день? Тебя ждут. Меня теперь нигде не ждут, ни на юбилеях, ни на поминках. Это не страшно и не отменяет того, что я смотрю на тебя.

Странно, как сужается обзор. Я теперь, кроме тебя, почти ничего и не вижу. Только тебя и то, что случилось со мной и вокруг меня раньше. Как диорама. Да, как в Севастополе, помнишь. Ты в платье с вишнями стояла возле ограждения, разглядывала неживые фигуры, пугающе очеловеченные. Снаружи солнце, асфальт едва не плавится, а там внутри — вечный двенадцатый год.

Я был скуп на слова, редко рассказывал что-то невеселое. Это оттого лишь, что дороже улыбки твоей не было для меня клада. Слезы у тебя всегда под рукой, а вот рассмешить ее — та еще боевая задача. Потому и не рассказывал. Теперь чего уж, хуже не станет.

На один только вопрос, на самый твой главный и частый вопрос, нет у меня ответа. Каждый раз, когда ты шепчешь в подушку, как что-то заветное: «Почему ты ушел?», теряюсь.

В новообретенном бесплотном виде я мог бы, кажется, все небесные звезды пересчитать, как латунные на погонах, но не способен вспомнить не только причины смерти своей, но и того, как и где встретил ее. Придется начать с самых истоков. Ты только уйми сердце и умой маму.

У меня тоже была мама. Она поцеловала меня в последний раз шестого июня. Я это теперь помню. Вижу лицо ее, щеки впалые, вместо косынки — пионерский галстук. За ночь до того бомбили автозавод в Горьком, и бабы с детьми весь следующий день разбирали завалы. После первого захода немецких бомбардировщиков ясно было, что на восстановление не меньше года уйдет, так они вернулись и добавили к тыловому горю, и без того непомерному, столько же, да с горкой. По сравнению со всеми разрушениями той ночи слепой осколок, нечаянно нашедший мою мать, — меньше ячменного зернышка в котелке полевой кухни.

Теперь я вижу себя на чудом уцелевшей за столько лет дореволюционной кровати в доме тетки где-то под Павловом, чувствую во рту кислый вкус вымоченной в молоке тряпицы. Но тогда я не видел войны. Память тела моего отсчет ведет с первого года после Победы. И то мало картин сохранилось, больше впечатления. Например, заснеженная дорога, сугробы выше полы перешитой на меня братовой шубки, глубокий след от полозьев саней. Я пробираюсь по свежему снегу, пытаюсь

палкой прочистить себе путь. Не получается, конец подобранной где-то веточки утопает в рыхлой массе, с усилием проходит до самой земляной твердости, но ничего не меняется, не становится меньше преграда.

Потом помню, как отелилась корова. Мне тогда в первый раз высыпали за то, что без спросу вышел на двор и затаился в яслях с отсаженным новорожденным бычком. Он только пообсох, поднялся на тонкие ножки, безобидным казался, нежным. А мне до одури ласки хотелось. Я встал на цыпочки, щеколду подтолкнул пальцем и прижался к пахнущей молоком шкуре. Нос влажный гладил и звездочку на лбу, целовал глянцевый бок. В одной рубашке вышел и босой, холодно, а уходить не хочется. Глажу, глажу телка, говорю с ним. А тетка хватилась, все кругом обошла, темно уже, нет меня ни на кровати, ни за печкой, ни в сортире. Разъярилась и, когда до хлева дошла, не жалела ни слов, ни жестов. Отходила по тощему заду красной грубой ладонью только так.

Телка потом забили, и я дураком прослыл среди братьев за то, что наотрез отказывался есть его мясо. Тетка — святая женщина, учительница до мозга костей — на немислимые ухищрения шла, только бы впихнуть в меня кусок. Это она мне потом рассказывала, мы уже женаты были с тобой, дружок. Говорит: «Я, зимой если, брала кусок мяса, заворачивала в бумагу или тряпицу, клала в сумку к проверенным

тетрадкам и шла в школу, работать. Там выкладывала мясо за окно возле своего стола, единственное не заклеенное. А вечером — обратно в сумку, тебе, мол, из магазина». Я же и впрямь думал, что она специально для меня покупала это мясо. А ведь и правда, куда там, с ее зарплатой.

И казалось бы, какая разница, Мусь, свое ли мясо, чужое ли, но и тогда, и позже с большой охотой я обманывался, принимая чужие правила как свои.

Тогда еще не было внутри у меня войны. Какая война, если ты — все, и каждая вещица кругом — тоже ты? Она позже пришла, вместе с зудящими подростковыми прыщами, как острое нетерпение. Конечно, мы носились по двору в редкие свободные часы с палками-автоматами наперевес, притворялись разбойниками и немцами, но даже в азарте игры продолжали помнить о том, кто мы такие. И, думаю, встретиться нам тогда настоящий фриц, заблудившийся в приокском лесу, мы, насквозь пропитанные историями о пионерах-героях, непременно взяли бы его в плен, но после этого все равно не придумали бы ничего лучше, чем накормить его кашей. А там уж пусть взрослые разбираются.

Даже сиротство казалось мне чем-то природным. У многих мальчишек на улице нашей, да и во всей деревне, отцов забрала война. Детей вовсе без родителей было меньше, но даже их никто не считал особенными.

В семьях бабушек и другой родни росли такие же мальчики и девочки, недолюбленные и недоласканные, но, как говорили старики: «сыты-одеты — и то прекрасно, о любви поговорим, когда поднимем страну».

И я тоже поднимал страну. Сначала в виде ведерка с располовиненными картофелинами, потом в виде мотыжки и грабелек, сам не заметил, как начал поднимать сорокакилограммовые мешки.

Да мне ли тебе рассказывать, чем земля пахнет, дружок. И пора бы тебе собираться к Алёнке. Не огорчай ее, а то она места себе не находит, меряет комнату шагами от окна до двери.

От окна до двери двенадцать шагов. Странно. Кажется, всего два года назад было пятнадцать. Дуреха рыжая! Вон какая здоровенная выросла, уже лифчик носит, а не соображает ничего. От двери до окна — все верно, двенадцать. А за окном: газон между дорожками, уложенными там, на четырнадцать этажей вниз, в виде заглавной буквы «А», тополя с липкими скорлупками почек: попадет в волосы — только отстригать. Вдалеке, если подставить табуретку, можно увидеть Волгу, кремль и церкви на том берегу. Оку не разглядишь, но нетрудно представить ее, подходящую с фланга к Стрелке, там, за Ярмаркой, впереди, строго вдоль Алёнкиного дома.

Литературно-художественное издание
Эдеби-көркем басылым

Антипова Елена

ДРУЖОК

Ответственный редактор *М. Смылова*

Литературный редактор *Т. Тимакова*

Художественный редактор *В. Лебедева*

Технический редактор *Л. Синицына*

Корректоры *Л. Асанова, П. Шевнина*

Верстка *В. Демин*

В оформлении обложки использованы фотографии

@ Rubanitor/ shutterstock.com

@ Ula Ulachka/ shutterstock.com

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 22.12.2025.
Формат 84 × 108^{1/32}. Гарнитура «Spectral». Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,96.

Тираж 2000 экз. Т-РР1-40097-01-Р. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА»	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12-14, лит. А	Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуу туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

